

Полина Семеновна ВИНОГРАДСКАЯ

1896 – 1979

АНАХАРЗИС КЛОТС¹

Вестник коммунистической академии. 1929. Кн.33 (3). С.200-225

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2003

ПОДБОРКА МАТЕРИАЛОВ о КЛОТЦЕ

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>

*Я имею несчастье быть человеком не моего века,
рядом с нашими мнимыми мудрецами я кажусь безумцем
Kloots. Bases Constitutionelles*

Одной из самых интересных фигур среди деятелей Французской революции является Анахарзис Клотс. И в то же время он менее остальных исследован. Его судьба была связана с судьбой левых, и его постигла та же участь: он погиб вместе с левыми, посланными на гильотину Робеспьером. Для историков этого было до сих пор достаточно, чтобы перечислить его в числе казненных и этим ограничиться. А так как вообще борьба левых с Робеспьером до сих пор мало исследована и освещена, то еще менее освещена и исследована роль Клотса в среде самих левых. К тому же Клотс был немцем. Когда Робеспьер послал его на эшафот, то считал лучше всего сделать это под видом расправы с ним, как с немецким шпионом, бароном, врагом республики, богачом, связанным с иностранными банкирами, продававшими французскую республику оптом и в розницу. Буржуазные историки, и даже лучшие из них, в эту легенду уверовали и этим «немцем» специально не занимались. Но зато через 120 лет, в империалистическую войну, когда надо было изобразить немцев, как единственных зачинщиков и виновников войны, напавших на Францию, снова вытащили на свет имя Клотса с тем, чтобы поставить его в пример «бошу» вильгельмовской империи, поскольку Клотс признавал все преимущества цивилизованной Франции над прусско-казарменной Германией, при этом выражалось сожаление, что такого образцового немца приняли за шпиона, казнили по ошибке.² А немецкие историки в свою очередь поверили тому, что Клотс – французский революционер и потому считали себя «национально» свободными от более детального изучения его.

Как раз интернационализм Клотса – эта его основная черта, которая его так отличает от остальных деятелей французской революции и особенно от Робеспьера, – менее всего была по душе и менее всего была понятна буржуазным историкам.

Таким образом и случилось, что в течение 120 лет Клотс был в полном забвении.

И лишь теперь, в связи с возросшим у нас интересом к Великой французской революции, особенно к той борьбе сил и к тому переплету

классовых интересов, который привел к расколу в среде якобинцев, к гибели левых и, наконец, к гибели самого Робеспьера, открывается возможность вплотную подойти к Клотсу. Эта тема тем более интересна, что среди левых он является совершенно своеобразной фигурой. Как революционер и как мыслитель, он стоит совсем особняком, и в то же время в нем, как в фокусе, сконцентрировались все разногласия, которые были между левыми и центром, возглавлявшимся Робеспьером. Недаром Робеспьер видел в Клотсе своего личного врага и со всей силой обрушивался именно на него. Как левый, он особенно интересен для нас, поскольку идейно он стоял выше своих единомышленников, был единственным среди них, который все время революции продолжал интересоваться вопросами философии и справедливо может быть назван после Марата самым выдающимся, самым блестящим теоретиком санкюлотизма, к тому же санкюлотизма международного.

I. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ А.КЛОТСА

А. Клотс до Французской революции

Анахарзис Клотс, или, по настоящему его имени, Жан Батист Клотс, родился 24 июня 1755 г. в замке Гнаденталь, около Клева Отец Клотса, Томас Франсуа Клотс, был бароном, тайным советником прусского короля и происходил от богатых голландских купцов. По матери Клотс происходил от знаменитой в истории Нидерландов фамилии Виттев. Его дядей по матери был известный Корнелиус де Пов, одно время друг Короля прусского и автор ряда исследований об Америке, Египте, Китае и Греции. Дядя имел огромное влияние на своего племянника, особенно в юношеские годы последнего. Кроме того, Клотс был в родственных отношениях с Монтескье.

Провинция Клев вообще была слабо онемечена. Клотс же вдобавок с самого детства получил чисто французское воспитание. Несмотря на немецко-голландское происхождение, родным языком был для него с детства французский; немецкий он знал всегда не вполне удовлетворительно. История его школьного воспитания была такова: семи лет он был отдан в духовную школу в Брюсселе, потом иезуитам в Монс, наконец, шесть лет находился в колледже Plessis-Sorbonne. Отсюда Отец Клотса перевел его в Военную академию в Берлин. Клотс очень тяготился пребыванием в Военной академии, его тянуло к философии, а не к казарме. Свое тогдашнее отвращение к солдатчине он живо описал потом в «Chronique de Paris» (март, 1792 г.).

Когда Клотсу было двадцать лет, умер его отец. Сын получил тогда свободу и отцовское состояние и устремился в Париж. В Париже Клотс вращается почти во всех известных литературных салонах того времени: м-м Виллет, графини Фанни Богарнэ, м-м Додовили, баронессы Монтескье, м-м Гельвеций. У Виллет он знакомится с Вольтером, на склоне дней последнего и в ореоле его славы. Он посещает Руссо и сообщает ему девиз своей жизни: *veritas atque libertas* (истина и свобода). Руссо признает этот девиз не худшим, чем его собственный: *vitam impendere vero* (посвятить свою жизнь служению истине). Еще с колледжа Клотс знал Лафайета, встречался с Франклином,

Мабли, Бальи и т.д., был очарован Парижем и жадно изучал его. После трех лет пребывания в нем, он предпринимает ряд путешествий. Возвратившись в 1778 году на родину, в Гнаденталь, Клотс посещает Льеж и Амстердам. В 1784 г. он едет в Англию. В Бэконсфильде посещает известного английского либерала и политического писателя Бурке. Вернувшись в Париж, он вскоре по делам наследства посещает Голландию. В 1786 г. в Амстердаме он встретился и подружился с мнимым алоанским принцем Кастриото, носившим массу других громких титулов, который оказался знаменитым международным мошенником крупного масштаба — Заффановичем. Материально Клотс пострадал немного, потому что арест Заффановича состоялся до начала намеченного ими совместного путешествия по Европе. В 1787 г. Клотс посещает Рим, Южную Италию, затем Испанию, возвращается в ноябре 1788 г. во Францию, затем снова едет в Испанию и возвращается во Францию в июле 1789 г., уже после начала революции.

Из общественной деятельности Клотса до Французской революции надо отметить его антирелигиозную деятельность, точнее говоря, его атаки на католицизм и христианство вообще. Он принимает деятельное участие в музее, основанном в 1781 г. Пилятр де Розье для популяризации знаний и иностранной литературы. Через 8 дней после открытия он произносит речь, где обрушивается на «Lhydre du Mensonge», la tyrannie sacree. Он доказывает, что христианство — «всегда сомнительная вещь, и против него философия не должна разоружаться».

Он требует периодических дискуссий на религиозные темы с тем, чтобы результаты их были опубликованы. Он указывает, что музей должен сделать в области философии то, что Академии наук делает в области астрономии. И альманах музея будет самым занимательным из всех альманахов (20 декабря 1781 г.). Он вносит об этом же предложение в 1783 г. и после отказа короля печатает свои статьи на собственный счет.

Клотс принимал участие в администрации музея, впоследствии называвшегося лицеем, и поддерживал его материально (в 1783 г. покрыл его дефицит в 40000 ливров). Он выступал в музее с антирелигиозными речами и участвовал в публичных дебатах на эти темы. Уже в этот период проявилась его способность ставить каждый вопрос в наиболее резкой форме и создавать вокруг него общественный шум.

Что касается литературной деятельности Клотса до революции, то она началась в 1778 году, когда он, будучи 23 лет от роду, опубликовал анонимно (теперь его авторство установлено) свою первую работу, а именно — диалог под названием «Voltaire triomphant on les pretres decus» («Торжествующий Вольтер, или обманутые в своих ожиданиях попы»). Это весьма слабое произведение было написано в связи со слухами о том, что Вольтер перед смертью раскаялся в своих напаках на церковь и умер в отчаянии. В драме высмеяны попы, и Вольтер представлен в его настоящем виде. В конце следующего года Клотс опубликовал свое первое большое философское, вернее, критико-теологическое произведение «Certitude des preuves du Mahometisme», представлявшее собою ответ на «La certitude des preuves du Christianisme» аббата Бержье. Это объемистое сочинение, помеченное

Лондоном 1780 г., было напечатано в Амстердаме, под восточным псевдонимом Aligier-Ber (Gier-Ber — перевернутое Bergier). По уверению Клотса, оно обошлось ему в 15 часов ежедневной работы на протяжении трех лет. Мы не останавливаемся пока на этом труде Клотса, потому что о нем речь будет ниже.

В 1783 г. было опубликовано письмо Клотса о евреях «Lettre sur les Juifs» (это был его доклад в музее 21 ноября 1783 г.), а в 1784 г. написано и в 1785 г. опубликовано «Voeux dun Gallophile». О первой работе подробнее речь будет ниже. Вторая содержит выражение благодарности и восторга Клотса перед Францией, его новой родиной. Уже тогда он поднимает вопрос о присоединении к Франции своей родной провинции Клева, так как, по его мнению, Рейн есть естественная граница Франции. Из интересных мест этой брошюры стоит отметить следующую мысль, являющуюся предвосхищением теории Мальтуса: «Если бы женщины были в десять раз плодовитей и жизнь в десять раз продолжительней, было ли бы населения больше? Вы ответите: да, а я говорю: нет, если только хлебное зерно не будет давать в десять раз больше колосьев. Взвесьте мой ответ и вы убедитесь, что я прав» (стр.151). «Средства существования создают население» (стр.12). Нигде не видно, чтобы Клотс был знаком с трудами Кенэ и с его спором с Мирабо. Поэтому не исключено, что он самостоятельно пришел к этому выводу, сыгравшему столь значительную роль в истории экономической науки.

В области политической Клотс был перед Французской революцией сторонником просвещенного абсолютизма в духе Фридриха Великого.

Иными словами, с точки зрения буржуазной революционности и в области религиозно-философской и в области политической Клотс был, выражаясь вульгарно, полным недоноском. Тем огромней тот прыжок, который он сделал за 4 года самой революции.

Б. Клотс во время Французской революции

Клотс возвратился из Испании в 1789 г. уже после взятий Бастилии и примкнул к революции с энтузиазмом. Из Парижа он отправился в провинцию и был свидетелем того, как протекала там аграрная революция крестьянства, которую он горячо приветствовал. Вернувшись в Париж, он принимает деятельное участие в революционных клубах и в революционной печати. С самого основания он участвует в клубе якобинцев: в 1790 г. он трижды выступает в клубе: 1) Об опасности отпускать короля из Парижа; 2) Против института кардиналов и за eveques ambulants; 3) О невозможности английского десанта. Что касается печати, то больше всего за первые три года революции Клотс поместил статей в «Chronique de Paris» (всего 44 статьи). Кроме того, он писал в Монитере, в универсальной газете Бриссо, в журнале Камилла Демулена («Revolution de France et de Brabant»), в «Патриотических анналах». Затем Клотс выпустил много небольших брошюр на различные актуальные темы революции (в 1790 г. — 4, в 1791 г. — 2, в 1792 г. — 12, в 1793 г. — 9). Во всех этих статьях и брошюрах Клотс проделывает быструю эволюцию в области общего мировоззрения от наивного деизма к атеизму и материализму (что

особенно видно из его полемики с Fauchet в 1791 г.), в области же политической — от конституционализма либерального буржуа к санкюлотской республике, от патриотизма нации — к космополитизму. Клотс отказывается от своего титула немецкого барона во имя звания французского буржуа и санкюлота. Он отказывается от своего имени, данного ему при крещении, производит над собой публично операцию переименования, выходит из христианства и принимает имя героя древнегреческих легенд, скифского путешественника Анахарзиса. На своих визитных карточках он пишет: «А.Клотс, личный враг Иисуса Христа».

Резкие нападки на религию и духовенство, публичный выход из христианства, ряд выступлений в связи с позицией короля поднимают вокруг имени Клотса некоторый шум, о нем начинают говорить. Но больше всего нашумел Клотс своими выступлениями в роли «оратора рода человеческого». В 1790 г. он организовал из представителей различных национальностей, проживавших в Париже и примкнувших к революции, делегацию в Национальное собрание. Как глава делегации, или (как он ее назвал) *lambassade du genre humain*, Клотс произнес речь, в которой заявил, что Французская революция есть лишь начало революции во всех четырех концах земного шара, и потребовал права участия в празднике Федератов и для иностранцев, примкнувших к революции. Это выступление вызвало взрыв восторга в самом собрании и в стране, и о нем много потом писали в газетах и журналах. Речь была отпечатана вместе с ответом президента собрания и распространена в полумиллионе экземпляров. С этого времени мысль о мировой революции, создающей республику вселенной, является главным предметом пропаганды Клотса в речах и статьях. В его иностранном легионе во время манифестации на Марсовом поле участвовало, по его заявлению, до тысячи человек. Пропаганда универсальной республики встретила не только поддержку, правда довольно слабую, но и вызвала протесты и насмешки со стороны контрреволюционеров, а также и отрицательное отношение у многих патриотов, во главе с Робеспьером.

Второй идеей, которую упрямо, с большим талантом и с большой пронизательностью защищал Клотс, была идея наступательной войны против соседних монархий. Клотс доказывал, что Французская революция не может и не должна ограничиваться Францией, что она должна поднять все народы против их угнетателей и что если она сама не будет наступать на монархии, то монархии начнут наступление против нее. Прогноз этот полностью оправдался, как известно. Осторожный и трезвый Робеспьер, защищавший политику мира с соседними державами, чтобы укрепить революцию внутри, оказался утопистом, а утопист Клотс был ходом истории оправдан как более реальный политик. Сначала Клотс сам был сторонником мира. Но уже осенью 1791 г. он понял, что война неизбежна. 1 января 1792 г., после пацифистской речи Робеспьера на предыдущем собрании якобинского клуба, Клотс произносит в клубе речь в защиту войны. Он говорит в ней: «Именно потому, что я хочу мира, я требую войны». Мы должны «поднять жакерии трудящихся масс Европы». Клотс верил в победу Франции, доказывал, что она сильнее своих соседей и материально и идейно, поскольку может опираться на восстание

масс против их вековых угнетателей. По его мнению, не Французская революция, а короли были заинтересованы в мире. После того как военный министр объявил о формировании революционного батальона из батавов, а Собрание декретировало создание такого же батальона из альборогов, Клотс явился 12 августа 1792 г. к решетке Собрания, пожертвовал 12000 франков и предложил поручить ему формирование прусского легиона, к чему он и приступил немедленно. (Вместе с саксонским врачом Saifert Клотс организовал *La legion Allemande*; вскоре Saifert был арестован; затем по ходатайству бедных пациентов выпущен) (см. Chukertt).

Когда Законодательное собрание в благодарность тем иностранцам, которые стали на сторону Французской революции, дало наиболее известным из них право гражданства, то в списке таковых был и А.Клотс. Это дало ему право участвовать в выборах и быть избранным в Национальный Конвент. Он был избран туда от двух департаментов сразу: от департамента Уазы и от департамента Саоны [Соны] и Луары. Он остался депутатом от первого.

Внутри самого Конвента деятельность Клотса была мало заметной, тем более, что получить слово на пленарных заседаниях его было не легким делом. Клотс был избран в «Дипломатический комитет» Конвента, участвовал недолго в Комитете народного образования и был членом двух незначительных комиссий. Но тем энергичнее он действовал за пределами Конвента. Он выступает в клубе якобинцев по наиболее злободневным вопросам, избирается одно время даже председателем Клуба, по-прежнему пишет в периодических изданиях и выпускает брошюры. Из политических выступлений его за это время надо отметить речь за осуждение короля, выступления в защиту сентябрьских убийств и его резкую кампанию против жирондистов. Против жирондистов Клотс выступал, главным образом, как противник федерализма, как сторонник централизованного правительства, опирающегося не на федерацию, а на департаментское деление Франции, которое он хотел бы распространить на весь мир. В то же время Клотс продолжает горячо защищать свою идею республики вселенной и выставляет в защиту ее ряд новых аргументов, вырастающих в целую теорию идеального капиталистического общества без национальных границ, без таможенных барьеров, без армий и многих других элементов государства. Более подробно об этом мы будем говорить ниже. Клотс горячо приветствует присоединение к Франции альборогов [аллоброгов] и Савойе и советует бельгийским революционерам не создавать на территории Бельгии особой Бельгийской республики.

В области социально-политических отношений внутри Франции Клотс выступает энтузиастическим защитником санкюлотства. Это не мешает ему в то же время быть решительным противником так называемого аграрного закона и также каких-либо покушений на буржуазную собственность.

Клотс не только рассорился на политической почве со многими из своих друзей, оставшихся на более умеренных позициях, не только порвал с жирондистами (он бывал раньше на обедах у М-ме Ролан), но не ладил и с вождями якобинцев. Он не ладил с Маратом, который назвал Клотса во время избирательной кампании в Конвент шпионом Берлина. Но еще больше

столкновений он имел с Робеспьером, мелкобуржуазную ограниченность которого и приспособленчество в ряде вопросов он раскусил очень рано.

Баронский титул, немецкое происхождение, богатство, космополитизм, а отчасти и атеизм (Клотс был инициатором культа разума, который должен был сменить религию) были главными козырями против Клотса в руках его противников из самого же якобинского лагеря. Во время чистки в клубе якобинцев Клотс опроверг все возводившиеся на него и в общем лживые обвинения, но тем не менее после выступления Робеспьера за его исключение и после того, как Клотсу не было дано слова ответить, он был исключен из клуба. Он ответил на все нападки и обвинения в брошюре «Апелляция к человечеству»,³ которую он издал спустя несколько дней. Робеспьер после этого произнес в Конvente речь, направленную против подозрительных иностранцев, провел резолюцию об исключении иностранцев из рядов членов Конвента, а затем А.Клотс вместе с Томасом Пэйном были арестованы по ордеру Комитета общественной безопасности. Три месяца Клотс провел в тюрьме Сен-Лазар и затем был судим вместе с голландским банкиром Коком и некоторыми гебертистами с одной стороны (Ронсен и др.), а с другой — с соучастниками Дюмурье, иностранными шпионами и сыщиком Лабурию. Это был один из тех гнусных процессов, построенных на лживых обвинениях и на смешении революционеров с контрреволюционерами и шпионами, посредством которых Робеспьер разделялся со своими политическими противниками. Процесс в Трибунале продолжался 4 дня. Клотс опроверг все лживые и глупо составленные обвинения, но это не помогло, потому что приговор был составлен заранее. Он был осужден вместе с другими на казнь и встретил смерть с исключительным мужеством и спокойствием.

II. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЛОТСА

Клотс интересен не только как деятель Великой французской революции, но и как философ-мыслитель.

История идеологий показывает, что эпоха теоретического обоснования взглядов выступающего на сцену класса не совпадает с эпохой политической зрелости того же класса. Так было с буржуазными энциклопедистами-просветителями, которые предшествовали буржуазным и мелкобуржуазным деятелям Великой французской революции. Интересное исключение в этом отношении представлял Клотс. Это фигура энциклопедиста, занесенного, вопреки хронологии, в бурю Великой французской революции. Всякое выдвинутое им политическое требование, всякий выброшенный им лозунг он считал необходимым обосновывать философски. Клотс являлся тем звеном, которое связывало энциклопедистов с декларацией прав человека, салоны м-м Гельвеций, Гольбах и др. с якобинским клубом.

А. Клотс как деист

Как и огромное большинство французских материалистов XVIII в., А.Клотс начинает свое философское развитие с попытки освободиться от

идеологических цепей христианской церкви, прежде всего католицизма. Борьбу с теологией Клотс ведет в этот период очень энергично, но не доводит ее до конца. Он останавливается на пороге к атеизму, он остается на позициях деизма, т.е. на позициях компромисса и приспособления феодально-религиозной идеологии к потребностям буржуазного развития. Исторически можно различать две основные разновидности деизма: деизм, как переходный этап буржуазно-рационалистическому атеизму, и деизм — как продукт буржуазной реакции, как продукт отступления от позиций материализма и атеизма под давлением крепнущего рабочего движения. Деизм Клотса, разумеется, первого рода. Как увидим ниже, он не задерживается особенно долго на этой промежуточной станции, но тем не менее оставляет на ней довольно заметный идеологический багаж. Этот багаж очень значителен и в количественном отношении. В этот период Клотс пишет свое первое крупное, а по размерам самое обширное произведение.⁴

Это второе после пьесы⁵ — юношеское произведение Клотса — было написано в основном к 1773 году, т.е. когда автору было 24 года, и вышло из печати в 1779 г. в Амстердаме. Во время печатания этой книги Клотс все время прибавлял к тексту новые места, в результате чего книга сильно превысила первоначальный размер. Для внешней конструкции книги характерно, что она состоит примерно на 1/20 из текста и на 19/20 из огромных примечаний. Для обмана цензуры Клотс выдал свою работу за перевод книги магометанского теолога, присланной ему якобы из Каира.

В этом своем произведении, изобилующем бесчисленным множеством длинных цитат из различных религиозных книг, Клотс выдвигает и доказывает при помощи самой различной аргументации, иногда довольно своеобразной, ряд положений деизма, ведя все время подкоп под христианство, особенно же против его католической ветви. «Если русские говорят, что турок лучше католика, то я скажу, что мусульманин лучше христианина». Одно из основных положений, которое защищает Клотс устами мнимого философа Мамуда, гласит так: «Религия, доказательства которой не доступны всем разумным людям, не может быть религией, установленной богом для людей простых и темных (ignorants); из религий, которые выдают себя за продукт откровения, нет ни одной, доказательства которой были бы доступны всем людям: следовательно, ни одна из религий, претендующих на откровение, не может быть религией, установленной богом для людей простых и темных».⁶ Одно из двух, говорит Клотс далее: либо все религии угодны богу, либо имеется одна истинная религия, вне которой людям угрожают всякие муки. Если последнее верно, то «бог этой религии был бы самым несправедливым и самым жестоким из тиранов».⁷

Этот мотив часто и настойчиво звучит на протяжении всей книги. Наиболее четко он выражен в первом письме «юного философа к юному теологу», кончающемся фразой: «Будем любить бога — благодетеля вселенной — и с ужасом отвернемся от тиранического и кровавого бога евреев, турок и христиан».⁸

Но раньше, чем придти к такому выводу, Клотс на протяжении 500 страниц либо под флагом магометанской критики христианства, либо под видом такой

защиты истинности магометанской веры, которая (защита) карикатурно воспроизводит все бессмыслицы христианской теологии, пространно доказывает нелепость притязаний одной какой-либо религии на истинность, равенство их друг с другом, одинаковость религиозных суеверий и бессмыслиц у всех исповеданий, и в конце концов одинаковую несостоятельность всякой веры, противоречащей разуму.

В этой книге Клотс показал, несмотря на свою молодость, значительную начитанность в теологической литературе, а также знакомство со всей основной литературой энциклопедистов и англичан, направленной против католицизма. Так, он цитирует в книге или упоминает в разной связи Вольтера, к которому в этот период он питал особенно большое почтение, Ж.-Ж.Руссо, Юма, Локка, Д'Аламбера, Гельвеция и др.

В общем, в «La certitude des Preuves...» А.Клотс остается на том уровне критики религии, который никогда не переступал Вольтер, и на котором одно время оставался Дидро и другие материалисты-просветители, пока не перешли на ступень полного атеизма. Тот факт, что книга Клотса была написана уже после того, как ряд энциклопедистов стал на позицию атеизма, доказывает ее преимущественно-биографическое значение, книга не отметила собой никакого этапа в развитии предреволюционной буржуазной идеологии, она являлась в известном смысле отступлением, стояла на уровне пройденных уже и оставленных буржуазной мыслью позиций. А.Клотс должен был и в своем индивидуальном развитии пробежать этот деизм, уже пройденный коллективной мыслью революционной буржуазии. Он оставил литературный след этого периода своего развития в «Магометанстве» (и в некоторых других работах, о которых ниже). Было бы большой ошибкой это произведение, чрезвычайно важное для истории умственного развития самого Клотса, считать в такой же мере важным и для истории буржуазной мысли во Франции. Это так же смешно, как отроческие стихи Пушкина, в которых он подражал Державину, при всем огромном биографическом интересе их, включать в историю русской литературы. А между тем, те немногие исследователи⁹, которые вообще занимающиеся Клотсом (кроме Болига), склонны делать такие ошибки. Они сильно преувеличивают значение «Магометанства» в сравнении с этапами, уже достигнутыми революционной буржуазной идеологией периода «Энциклопедии». Между тем достаточно сравнить «Магометанство» с «Племянником Рамо» Дидро, с «Системой природы» Гольбаха и «О разуме» Гельвеция¹⁰, чтобы, не порывая с объективной истиной исторической критики, охарактеризовать «Магометанство» как юношеское повторение задов энциклопедистов, хотя *своеобразное повторение, показывающее желание автора самому пройти весь путь к материализму самостоятельно*. Как деист Клотс отгораживается от атеиста Гельвеция¹¹ преподносит читателям в качестве «теории познания» следующую наивность: «Всюду я вижу остроумно построенную машину, я говорю, что творцом ее является работник. И эта огромная вселенная также является остроумной машиной, значит она также создание какого-то работника».¹² С философской точки зрения, в частности с точки зрения теории познания, «Магометанство» А.Клотса не представляет

большого интереса, сам не обнаруживает еще большого интереса к теории познания; так, например, цитируя Юма (в общем 9 раз), Клотс почти не замечает, чем прежде всего был велик этот философ.

Стиль Клотса в этой работе довольно тяжелый и неповоротливый. Следовательно, с этой стороны Клотс не превратился еще в блестящего, яркого, немногословного французского публициста, каким он выступает перед нами в эпоху своей литературной зрелости во всеоружии всего богатства французского языка.

Точно так же, вопреки позднему литературному обыкновению Клотса, в «Магометанстве» автор все время держится строго в пределах теологических проблем. Здесь вы не встретите тех блестящих отступлений от темы, бросающих яркие снопы света в разные направления, которые так характерны для позднейших произведений Клотса.

Надо сказать, что сам А.Клотс очень высоко, и, как мы видим, незаслуженно поставил это свое юношеское произведение. В позднейших своих работах он по постановке новых проблем, и по ряду новых, оригинальных мыслей, и по прелести стиля оставил его позади.

Перейдем теперь к рассмотрению следующего его произведения этого же периода: «Lettres sur les Juifs».¹³ После длинного и утомительного сочинения Т» магометанстве, на ом мы остановились не очень подробно, совсем непропорционально объему книги,

«Письмо о евреях» читается с значительно большим интересом. И совсем не потому это письмо или, верней, письма вместе с другими заметками составляют всего брошюру в 90 страниц маленького формата. Во-первых, письмо о евреях является более зрелой работой, чем, в сущности, ученический труд о магометанстве. «Письмо» издано в 1783 году, когда Клотсу было 28 лет.¹⁴ Во-вторых, стиль этой работы выгодно отличается от «Магометанства» своей живостью, краткостью, образностью, напоминая отчасти уже зрелые работы Клотса. В-третьих, в «Письмах» есть ряд чрезвычайно интересных мыслей, показывающих, как Клотс начинал уже в это время подходить к экономическому объяснению многих важных исторических фактов, что, как увидим ниже, составляет из наиболее любопытных черт Клотса, как социолога, или, если выразиться скромней, как публициста, размышлявшего над историческими процессами.

Самым интересным в «Письмах о евреях» является попытка Клотса материалистически объяснить тот факт, что евреи не ассимилировались с другими нациями, и потеряли свою территорию и рассеялись по всему свету. В сущности, это и есть основная тема писем. Сам Клотс писал по этому поводу следующее: «Вы выражаете мне изумление, мой дорогой аббат, по поводу того факта, что евреи пережили гибель с отечества. Как различно смотрим мы на вещи? Ибо я был бы сильно удивлен, если б они окончательно смешались с другими нациями. При наличии принципов быта, прямопротивоположных таковым у других народов, было бы естественнее соединить огонь и воду, чем слить народ иудейский с иными нациями».¹⁵

Мы видим здесь лишь описание факта. Но дальше Клотс пишет

следующее: «Я теперь вскрою вам главную причину сохранения евреев: идея, которая кажется новой и заслуживающей внимания. Древние колонии евреев были торговыми, а не земледельческими, так что после последнего разрушения Иерусалима беглецы соединились к колониям, осевшим на территории всей римской империи; из жалких хлебопашцев или виноделов они превратились в ловких богатых негоциантов. Их торговле, этой свободной и независимой профессии, которая, подобно Протею, знает тысячи форм и лазеек, чтобы ускользнуть из рук деспота, евреи обязаны их теперешним существованием. Это причина объясняет все; ее достаточно для объяснения, независимо от того, рассматривать ли ее изолированно от других причин или вместе с ними».¹⁶

Далее Клотс доказывает, что карфагеняне не погибли бы после разгрома, которые им нанесли римляне, если бы имели торговые колонии в других странах. То же он говорит и о ряде других народов. «Жестокие эдикты правителей Восточно-римской Империи никогда не уничтожили бы язычества римского мира, если бы бретонцы, иберийцы, галлы, африканцы, итальянцы, греки, финикийцы периода упадка не относились бы с пренебрежением к торговле».¹⁷ Указывая на роль, которую сыграл изобретенный евреями веке на влияние евреев во всех тех странах, где они организовали торговый обмен, и на у который приносило каждой стране их изгнание, и подкрепляя эти свои рассуждения целым рядом аналогичных примеров, Клотс продолжает развивать свою мысль о роли, которую сыграла торговля в истории еврейского народа и история еврейского рода в общей истории человечества.

Этот материалистический уклон мысли Клотса в деле объяснения исторических вставляет чрезвычайно любопытное явление для его эпохи, эпохи исторического материализма, исторического рационализма, когда разум считался единственно движущей силой исторического процесса.

Позже в других работах Клотса, трактующих о государстве, о всемирной республике, о неизбежности победы Французской революции, о корнях англо-французского материализма и т.д., мы еще встретимся не раз с подобными же попытками ощупью до экономического объяснения ряда явлений общественной жизни. Возникает вопрос: на какой же стадии находится в разбираемой работе Клотс в движении от деизма к атеизму? На этот вопрос надо ответить так: еще более резко сказать, более непринужденной становится его критика католицизма и христианства и продолжает высмеивать претензии каждой религии выдавать свои мифы за истины и только свои чудеса считать истинными; он говорит уверенно о противосвященном писании и о «пощечине Евангелию, полученной от Д'Аламбера» и т.д.; в то же время во втором своем письме к Жебелену он заявляет с первых слов о согласии с Жебеленом насчет «великих принципов существования бога и бессмертия души».¹⁸ Более того, Клотс заявляет: «Я одобряю ваше выступление против атеистов и материалистов, я досаую, что вы так плохо третируете Жан-Жака».¹⁹

Говоря с Жебеленом по ряду более второстепенных вопросов, Клотс в основном остается на этой стадии еще деистом, все еще повторяя трафаретные фразы против «атеизма и материализма».

В остальном его письмо о евреях, письмо к Жебелену и т.д. имеют главным образом биографический интерес.

Любопытно, между прочим, что Клотс в этом произведении выражает свое великое почтение к Фридриху Великому и даже устанавливает периодизацию истории применительно к просвещенному прусскому абсолютизму; он с гордостью подчеркивает суверенитет от преследований во Франции в качестве «подданного Фридриха Великого».²⁰

Б. От деизма к атеизму и материализму

Среди огромного количества статей и брошюр Клотса, не говоря уже о книжках, мы не найдем ни одной, которая была бы специально посвящена вопросам философии, если не считать, разумеется, его книги об «Истинности учения магометанства»,²¹ занимающейся исключительно критикой религии.

Как мы уже говорили выше, в своих дореволюционных работах Клотс стоит полностью на позиции наивного деизма. С другой стороны, во время революции он предстает не только как яростный атеист, но и как вполне сложившийся и законченный материалист. С огромным интересом каждый биограф Клотса должен искать ответа на вопрос, в каких печатных произведениях самого Клотса и в документах его эпохи, говорящих о Клотсе, можно найти указание на те переходные ступени, которые отделяют его от атеизма и материализма.

К сожалению, самый тщательный анализ всего литературного наследия Клотса не дает никаких сколько-нибудь определенных указаний, каким образом указанный переход, какие были его промежуточные звенья, как деист стал атеистом. Объяснение этого идейного скачка тем трудней найти, что, как мы уже

Клотса нет ни одной работы, специально посвященной изложению его материалистической философии, где он, вероятно, сказал бы что-нибудь и о путях, какими он пришел к своим выводам. Материализм Клотса всплывает внезапно, как результат не эволюции, а идейного скачка. Несомненно это объясняется общей революционной обстановкой последних пяти лет его жизни (1789–1794), благодаря которой идейная эволюция так же переходит в идейную революцию. Определяющими при этом были политические события этих лет, а не какие-либо идейно-литературные влияния на Клотса который вряд ли имел тогда время и охоту углубляться в изучение материалистической философии его предшественников, несмотря на всю его любовь оставаться одному с собственными мыслями, на его пристрастие «к размышлению во всякое время».

В. Клотс как атеист

Посмотрим прежде всего, как разделяется Клотс со своим деизмом, на позиции которого он стоял до революции.

Надо сказать, что первые два года он атакует не столько бога, сколько духовенство. 18 марта 1790 г., полемизируя с автором анонимной брошюры «De la Religion, и l'assemblee Nationale», где последний предлагает

реформировать католицизм и сделать его государственной религией, Клотс пишет письмо под заглавием «Предложение одно члена Якобинского клуба». ²² В этом «Предложении» есть такое место: «Стоит отметить, что наиболее ярые враги французской конституции горячо настаивают на сохранении католицизма, и эти враги отнюдь не были религиозными до революции. Берегитесь попасть в западню, свободные люди, ваши взоры хотят приковать к небу, чтобы околпачат вас на этой земле» (vous jouer quelques mauvais tours sur la terre).

Много интересных мест, характеризующих отношение Клотса к религии и морали в следующем 1791 г., мы находим в его полемике с Фоше. ²³

В своем письме к Fauchet Клотс, между прочим, пишет: «Вы забываете, что... мораль и закон основаны на общественном интересе и именно этот интерес восстает против разбойников, аристократов и преступлений, но причем здесь собственно религия? Наоборот, мы ясно видим, что интересы неба и духовенства противоречат (croise) интересам земли и людей. Это столкновение есть источник тысячи преступлений, тысячи раздоров. Религия обещала наказание угнетателям на том свете; но конституция идет дальше, ибо, ликвидируя неравенство происхождения она освобождает нас от этого, грустного утешения». ²⁴

И далее: «Патриоты хотят быть свободными, но не умеют быть последовательными. Именно чтоб быть последовательным, я раскрестился (debaptise), и я приглашаю Клода Фоше во имя отечества последовать моему примеру». ²⁵

И в конце он говорит: «Я ничего не хочу и ничего не заслуживаю получить, потому что, именно исходя из эгоизма, о котором так много говорилось, я объявляю войну всяким эгоистическим наклонностям, которые нагло хотят занять место на троне закона беспристрастного и благодетельного» (стр.107).

Но окончательно и лучше всего по форме Клотс разделяется не только с папами, католицизмом и религией вообще, но и с самим господом богом, а, следовательно, и своим юношеским девизом, в самом замечательном и наиболее зрелом своем произведении «Bases constitutionnelles de la republique du genre humain». ²⁶

Здесь мы встречаем такие места:

«Я доказал в разных сочинениях, что бога не существует. Люди, которые допускают эту химеру, должны делать не менее тяжелые ошибки и в вопросе о многочисленных других вещах; и эти ошибки в суждении, эта умственная болезнь достойна сожаления.

Это открывает путь ко всяким обманам, которыми шарлатаны опутывают (affligent) человечество. Тот, кто допускает существование бога, рассуждает плохо, а одна ошибка рождает другие. Не будьте рабами неба, если хотите быть свободными на земле» (стр.32).

Вопрос о существовании бога (Theos) неправильно поставлен, потому что надо знать предварительно, является ли мир (Kosmos) результатом творения. Потребуйте ответа на предварительный вопрос, и вы перейдете к очередным делам при молчании ваших огорошенных противников» (стр.32–33).

Далее Клотс приводит еще ряд доводов в пользу атеизма. Если природа

непостижима, зачем удваивать эту непостижимость путем придумывания непостижимого бога? И т.д.

Но наиболее замечательны по логическому изяществу и убедительности следующие строки: «Чем более люди будут разумны и добродетельны (vertueux), тем более они полезны обществу. Следовательно, религия — это социальное зло, которое надо лечить немедленно. Религиозный человек — испорченное животное (deprave). Он похож на животных, которые существуют только для того, чтобы их стригли, жарили в пользу лавочников и мясников» (стр.27).

И далее: «Безусловно, всякая работа предполагает работника, но я отрицаю, что мир сотворен (ouvrage). Я говорю, что мир есть вечная вещь, существо вечное. По жалкой аргументации теистов убеждаешься, что их собственный бог был сфабрикован работником». ²⁷ А к барону Herzbergу он писал: «Небо так же далеко земле, как смерть жизни. Метафизические измышления беспокоят только ленивых. Смерть была бы нам незнакома, если бы метафизики не вмешались в нашу повседневную работу». Так как процитированные места достаточно характеризуют Клотса как атеиста, я ограничусь ими для характеристики его новой атеистической позиции.

Перейдем теперь к общеполитическому мировоззрению Клотса.

В вышеупомянутой основной работе Клотса «Bases Constitutionnelles» мы находим одно замечательное место, которое ярко характеризует общеполитические взгляды Клотса, убеждая нас в том, что в вопросах о взаимоотношении между физическим и психическим, о сущности познания и т.д. Клотс примыкал к наиболее левым из французских материалистов-энциклопедистов XVIII в. Мы процитируем это место целиком, поскольку оно ярче и полнее других излагает его материалистическую точку зрения. Он там говорит: «Я составил несколько лет тому назад философское завещание (testament), ²⁸ в котором я оказывал, что можно вынуть душу без того, чтобы Вас убить, и что, следовательно, существование нашей души — химера такая же «смешная», как и фантом, называемый богом. Так как для республики важно, чтобы наши потомки не были одурачены проповедниками лжи, я должен воспроизвести здесь краткий анализ для преподавателей молодежи. Истинное средство перестать быть жонглером — это доказать, что душа человека есть результат человеческой организации, как душа дога — результат собачьей организации. Мы, — говорил я, — являемся движущимися растениями, мы станем растениям неподвижными (sedentaires). Мы взяли свой корень в чреве женщины, и мы превратимся в корешок (nombril) земли. Дайте дереву чувства, которых у него нет, — Вы сделаете из этого растения то, что мы называем животным. Анализируйте человеческое тело, и Вы там найдете ствол, сучья (ветви), кору и циркуляцию соков или крови. Любая трава и любое дерево имеют много общего (rapport) с наилучшим образом организованным человеком. Похороните меня на зеленом лугу, и я возрождусь в вегетативной форме (metempsychose), замечательной таинственности которой никто не будет отрицать. Но я не буду иметь воспоминаний о моем первом существовании. Впрочем, какое мне дело до этого воспоминания, лишь бы мне жилось приятно. Здесь дело идет не о каком-то воздаянии за грехи или

воздаянии религии. Я запрашиваю природу, и она мне советует презирать теологию. Природа – хорошая мать, которая радуется, видя, как рождаются и возрождаются ее дети в различных сочетаниях...

В течение многих веков рассуждают о сущности нашей души; она неделима, говорят, а потому бессмертна. Я отрицаю это, так как наша душа делится на шесть частей, очень различных. Я выну с успехом у человека душу без того, чтобы у него отобрать жизнь. Вы теряете сегодня зрение, завтра – слух, послезавтра – обоняние, наконец, – вкус и осязание. Что останется от вашей души, кроме памяти, кроме воспоминаний о явлениях доставляемых Вам при помощи пяти чувств? Таким образом, теряя память. Вы, просто говоря, становитесь растением, а это почти значит, что будете испытывать только голод и жажду. Мой рот, не имея чувства тактильного и вкусового, будет механически получать пищу, которую бросят туда; он будет заменять мне пуповину утробного плода или корни растения (*elle me tiendra lieu de nombril ou de racine*). Я буду жить без Вашей так называемой души, я буду вести жизнь растения, и Вы не сможете мне вернуть душу, не вернув пяти чувств. Думать – значит чувствовать, чувствовать – значит получать восприятия от всех наших органов в одном центральном пункте, в котором сосредоточены наши фибры, нервы, наш жизненный дух (*esprit*). Порвите эту связь, и животное превращается в растение. Сильный удар по голове уничтожает способность чувствовать. Придайте голову растению, и Вы ему сообщите ощущение удовольствия, боли; точно так же, если Вы у животного измените тем или другим способом голову, вы будете иметь все градации от мудрости до безумия, от гениальности до идиотизма. Есть, следовательно, два способа заставить исчезнуть нашу душу без того, чтобы последовала смерть, – при помощи удаления пяти чувств и при помощи удаления мозга. Можно перестать чувствовать, потерять память и продолжать жить, дышать, переваривать, расти. Я повторяю: *мыслить* - это значит *чувствовать*, и надо иметь так же мало чувства, как у теолога, чтобы отрицать очевидность моей аргументации, которая сделает ненужным чтение тысячи и одного исследований о метафизике» (*evidence de ma demonstration, qui dispensera de la lecture de mille et un traites sur la metaphysique*).

И в другой своей брошюре²⁹ Клотс пишет: «Теисты думают вместе с Платоном, что мир, лучший из возможных миров, существовал искони в разуме божьем. Мы все согласны по поводу этого вечного существования, которое охватывает связь всех физических явлений, бесконечный прогресс и конечные причины: мы только расходимся в допущении *божественной* формы, такой же ненужной, как и химерической... Модификации растительные и животные, которые мы называем смертью или жизнью, заставили нас предположить *начало* и *конец* в большом целом, хотя мы признаем, что ничего не умирает в мире. Формы меняются. Элементы комбинируются и распадаются; но законы вечны. Центр космоса (*le point central*) может переместиться, но закон тяготения неизменен. Все планеты и спутники планет нашей маленькой сферы могут провалиться в диск солнца без того, чтобы какой-нибудь закон был нарушен, без того, чтобы что-нибудь ушло из круга неуловимых (*incommensurables*) комбинаций и модификаций...»

(стр.24–25).

Итог, который можно вывести из этого философского экскурса Клотса, таков. Существование души есть химера. Человеческое существо есть определенная физическая организация. Человек отличается от таких высших животных, как собака, лишь иной формой своей организации. Более того, между животным и растительным миром нет принципиального различия. Так называемая душа есть совокупность всех органов чувств человека. То, что отличает человека от неорганического мира, это существующая у него способность памяти, наличие координирующей центральной нервной системы.

Как ни грубы и наивны некоторые из его формулировок, как легко они ни разделяются с различием между органической и неорганической природой – тем не менее он прав в основном: в стремлении к материалистическому пониманию человека и жизни, материалистическому монизму. Для его века его позиция была самой прогрессивной, какую только можно себе представить на тогдашнем уровне естественных наук.

Г. Идеиная связь Клотса с материалистами XVIII века

Вопрос о том, в каком отношении находились философские взгляды Клотса к философскому наследству энциклопедистов, что было в них оригинального и что заимствовано, и у кого именно из энциклопедистов, заимствовано, этому вопросу в большей моей работе о Клотсе будет посвящена специальная глава. Здесь мы остановимся на этой теме лишь в самых кратких чертах. Поэтому нам придется ограничиться сравнением лишь самых основных мыслей Клотса с соответствующими воззрениями энциклопедистов.

1) Существование души есть, по Клотсу, химера, такая же «смешная», как и «фантом, называемый богом». Если под душой понимать духовное начало в противоположность физическому, а не вульгарные построения религиозно-христианской мистики, то у энциклопедистов мы встречаем определенные формулировки на этот счет.

Вопрос о способности материи к мышлению был основным вопросом, занимавшим механистических материалистов, и отзвук их воззрений мы видим у Клотса. Теперь два слова о том, как энциклопедисты решали эту проблему. Ламетри, Кабанис и Дидро иногда более осторожно высказывались на эту тему, чем Клотс, потому что они понимали, насколько сложной является вся эта проблема.

2) Ламетри, напр., отмечал особую сложность проблемы, вытекающей из различия между неорганической и органической жизнью. Он писал в «*Traite de l'ame*» (1781): «Надо, однако, с такой же откровенностью признать, что нам неизвестно, обладает ли материя сама по себе непосредственной способностью чувствовать или же только способностью приобретать ее посредством модификации принимаемых ею форм, ибо несомненно, что эта способность обнаруживается только в организованных телах».

Гольбах, как известно, принимает обе гипотезы, представляющиеся ему одинаково вероятными. Можно допустить, что чувствительность материи «есть

результат свойственного животному расположения, соединения, так что мертвая, нечувствующая материя перестает быть мертвой и становится способной к ощущению, когда она анимизируется, т.е. соединяется и отождествляется с каким-нибудь животным». С другой стороны, для Гольбаха приемлемо и то предположение, что чувствительность свойственна всякой материи, но лишь при определенной организации она бывает достаточно интенсивной. Эта та гипотеза, к которой больше склонялись Дидро и Ламетри. Хотя надо заметить, что и Дидро указывал на отсутствие пропасти между органическим и неорганическим и на постоянно наблюдающийся переход одного в другое (см. «Сон Д'Аламбера» знаменитый пример со статуей: «Я дроблю мрамор, превращаю его в мельчайший порошок, примешиваю его к земле, образуя из них одну массу, сею на ней хлеб, и хлеб этот я могу есть»). Все же Дидро не отождествляет просто органическую природу с неорганической.

Клотс, который является продолжателем французских материалистов, и в особенности Дидро, в вопросе об отношении органического к неорганическому, стоял, скорее, на самой крайней точке зрения. Например, он говорит: «Мы (т.е. люди. — П.В.) являемся лишь движущимися растениями, когда-нибудь станем растениями неподвижными. Придайте голову растению, и вы сообщите ему ощущение удовольствия, боли...» Он доказывал, что между живой и мертвой природой нет абсолютно никакой принципиальной разницы. Человек есть лишь часть природы. В органической и неорганической жизни действуют те же законы: «формы меняются, элементы комбинируются, но законы вечны».

3) Далее Клотс был последовательным материалистическим монистом и здесь напоминает сильно Дидро и Гольбаха. Последний говорит в «Systeme de la Nature»: «Во всех тех явлениях, которые мы замечаем в человеке, начиная от его рождения вплоть до его смерти, мы видим лишь смену причин и следствий, необходимых и согласных с законами, *общими всем тела природы* (курсив наш).

«...Опыт нам показывает, что как у нас самих, так и во всех предметах, на нас действующих, нет ничего кроме материи, одаренной различными свойствами, разны образом видоизмененной и комбинированной и действующей на основании своих свойств. Одним словом, человек является организованным целым, составленным из различных веществ; подобно всем другим произведениям природы, он следует общим и известными нам законам, равно как законам и способам действия, свойственным ему и скрытым от нас.

4) Материалистический монизм Клотса последовательно развертывается у него в его воззрениях на природу, на мировое целое, где он порой обнаруживает некоторые элементы диалектического мышления. Все явления природы он рассматривает в и взаимной зависимости, находя во всех мировых процессах постепенную преемственность и переходы из одного состояния в другое. Мир — это единое целое, находящееся в непрерывном развитии, «великое целое», которое не имеет ни начала, ни конца. «Мы все ее гласны, — говорит Клотс, — что лучший из возможных миров существовал искони, мы только расходимся, что... он существовал в разуме божьем». «Жизнь и смерть

это модификации растительные и животные...» «Центр космоса может переместиться, но закон тяготения неизменен». «Ничего не умирает, лишь формы меняются...»

Как все это напоминает не только по существу, но и по форме Дидро, который еще за четыре десятилетия до этого говорил: «Жизнь — это последовательный ряд действий и противодействий... Живым я действую и противодействую в форме массы, мертвым я действую и противодействую в форме молекулы... следовательно, я вовсе не умираю... Родиться, жить, исчезать — это значит менять формы...» («Мысли по поводу объяснения природы»).

У Клотса мы встречаем идеи эволюции, которые отсутствовали почти у всех материалистов XVIII в., если не считать Дидро, у которого имелись гениальные догадки на этот счет.

5) Далее, взгляд Клотса на природу как на единое целое, где нет ничего случайного, и где все процессы совершаются по законам естественной необходимости, должен был иметь своей общефилософской предпосылкой *детерминизм*. Клотс, как мы видели, выступал резким и законченным *детерминистом*, как во взгляде на природу («я запрашиваю природу, и она советует мне презирать теологию... Природа — хорошая мать...), так и во взгляде на общественные явления (взгляд на революцию как на закономерный процесс).

Несомненно, и детерминизм Клотса имеет много блестящих предшественников, начиная с его сородича по голландским предкам Спинозы и кончая французскими материалистами.

Взять хотя бы того же Дидро, у которого мы читаем: «Я, следовательно, стал таким, потому что нужно было, чтобы я стал таким; измените все и вы измените меня» («Разговор с Д'Аламбером»), - или Гольбаха, который говорит: «В каждый данный момент своего существования человек — пассивное орудие в руках необходимости» («Systeme de la Nature»).

Но в то же время французские материалисты не умели применять свой метод общественным явлениям. Как только они подходили к разрешению вопросов общественной жизни, они становились на метафизическую точку зрения. Человек для них превращался в абстрактное существо. Здесь они переставали быть революционерами мысли, становились метафизиками, формалистами. Клотс же, поскольку он действовал активно революционном процессе, вынужден был применять свой метод также и в практической жизни. Человек на его глазах выступал не только как продукт природы, подчиняющийся ее законам, но и как продукт общественной среды. Клотс имел над энциклопедистами преимущество в самом пункте наблюдения и в материи наблюдения — поскольку наблюдал быстро меняющуюся, динамическую общественную среду страны, охваченной революцией. Именно этому надо приписать его отдельные очень интересные экскурсы в сторону историко-материалистического объяснения отдельных фактов и явлений общественной жизни. Об этом подробнее мы скажем ниже.

6) В самом важном вопросе философии - в вопросе об объективности внешнего мира, объективности его законов, Клотс был последовательным

материалистом, продолжателем традиций материалистов XVIII века,

Посмотрим теперь, в каком духе он разрешал остальные теоретико-познавательные вопросы: вопросы об отношении «я» к «не я», субъекта познания к объекту

Здесь он считал, что познание внешнего мира осуществляется благодаря воздействию на наши чувства объективного мира, приводящего в движение наши органы восприятия и познания: проводящими каналами, через которые мы получаем впечатления от внешнего мира, являются наши органы чувств: «Мыслить значит чувствовать, чувствовать — значит получать восприятия всех наших органов в одном центральном акте, в коем сосредоточены наши фибры, нервы, наш жизненный дух».

Здесь Клотс имеет в числе предшественников не только Дидро, который в «Разговоре с Д'Аламбером» говорит: «Мы — инструменты, одаренные чувствительностью и памятью». Достаточно назвать Локка, Гоббса и Кондильяка, хорошо известных Клотсу, чтобы предположить, что Клотс здесь, помимо французских материалистов, мог черпать из первоисточника сенсуализма. Можно даже допустить, что у Клотса на оригинальную форму его доказательства нереальности души повлияло рассуждение Кондильяка о статуе. У Клотса сказано: «я выну с успехом вашу душу без того, чтобы лишить вас души: вы теряете зрение сегодня, слух — завтра, послезавтра — обоняние, наконец, с и осязание. Что же останется от вашей души, кроме памяти?»

А Кондильяк говорит: «Итак, подобно тому как один запах предстоит обонянию вследствие воздействия душистого тела на самый орган, другой запах предстоит памяти, ибо воздействие другого душистого тела существует в мозгу, куда его перенес орган. Переходя таким образом от одной формы бытия к другой, статуя чувствует, что она не является уже тем, чем была. Значение этого изменения заставляет ее относить первую форму к моменту отличному от того, когда она испытывает вторую; и именно это заставляет ее проводить различие между существованием под одной формой и воспоминанием о существовании под другой формой («Traite des Sensations»).

В вопросе о роли памяти Клотс, как и Дидро, считает, что память есть то, что отличает человека от неорганического мира: «Теряя память, вы, просто говоря, становитесь растением...» И у Дидро («Сон Д'Аламбера») говорится: «если бы ваш палец мог иметь память, он мыслил бы». В вопросе о морали Клотс, как мы видим, стоял на точке зрения разумного эгоизма. Клотс говорит: «Мораль и закон основаны на общественном интересе («Bouche de fer»)... именно, исходя из эгоизма, о коем так много говорилось, я объявляю воин всяким эгоистическим наклонностям» и т.д.

Здесь Клотс скорее является не последователем Дидро, который был метафизиком вечной морали, и в этой области морали выражал идеалы ремесленников и мелкой буржуазии, пуритански настроенных (во Франции — гугенотов), а последователем Гольбаха и Гельвеция.

Гольбах говорит: Любить других, значит любить средства, ведущие к нашему собственному блаженству (Systeme Sociale).

Гельвеций говорит: «Любовь людей к себе подобным является результатом необходимости взаимно поддерживать друг друга» («De

l'Homme»).

Из всего вышесказанного мы видим, что Клотс был верным последователем французских материалистов и проводником в жизнь их идей. И хотя он их не цитирует и не называет, в то время как имена Бейля, Юма, Вольтера, Руссо, Монтескье и др. он часто упоминает, все же влияние первых, особенно наиболее оригинального и левого Дидро, можно отчетливо проследить во всем его идейном наследстве.

Клотс представляет интерес не как философ-материалист, который внес что-то новое в область философии как таковой после всего, что сказали энциклопедисты. Он интересен как единственный из вождей Французской революции, который не только действовал, но и теоретически осмысливал свои революционные действия. Философские лозунги французских материалистов он сумел перевести на боевой язык санкюлотов в их повседневной борьбе с классовыми врагами. Революционную практику Клотс тесно увязывал с материалистической теорией; поэтому его горизонт был шире, он смотрел дальше, видел глубже, и в этом его преимущество по сравнению с остальными вождями Французской революции вроде Робеспьера и др.

Сравнивая его с французскими материалистами-энциклопедистами, мы должны сказать следующее: французские материалисты очень смело критиковали современный им строй. Но революцию они проделывали только в теории. Они были революционерами мысли. Они не дожили до Французской революции и, следовательно, ни они сами, ни их взгляды не подверглись испытанию на практике. В ходе самой революции они вынуждены были бы выявить свое классовое лицо. А ведь еще Гегель указывал, что от делания мыслительной революции до реальной революции на практике — дистанция огромного размера: «Можно проделать сколько угодно революций в голове и спокойно продолжать носить колпак на голове» («Geschichte der Philosophie, критика Канта»). О возможных позициях главнейших энциклопедистов во Французской революции Плеханов делает следующее предположение: «Дидро, наверно, сочувствовал и шел бы далее, чем Гольбах, который считал, что гражданин не может, не нарушая долга, отказаться от принятия стороны угнетенных против тирании. Гримм, вероятно, рукоплескал бы, хотя он изменил свои взгляды, когда вместо салона буря разразилась на великой исторической арене».

Как поступил бы сам Гольбах после событий 10 августа? Попав в собрание якобинцев, стал ли бы он повторять свои слова: «Тиран есть ненавистнейшее существо, какое может быть создано преступлением»? Говоря откровенно, судить трудно. Но, всего вероятнее, что он не захотел бы иметь ничего общего с этими дикими республиканцами и счел бы их в свою очередь тиранами, врагами отечества, фанатиками и политическими шарлатанами» (Плеханов, Очерки по истории материализма, стр.58, изд. «Моск. Рабочий», под ред. Рязанова).

Что касается Клотса, то он не оставил нас в области догадок на этот счет. Испытание, каковым явилась для него революция, он выдержал до конца. Он не только не отшатнулся от диких республиканцев и фанатиков, но пошел с

ними рядом, а затем – впереди их; за них он взошел на эшафот, непонятый и брошенный ими.

Клотс формулировал идеологию и лозунг санкюлотства. Он был теоретическим и политическим вождем самой революционной и последовательной мелкобуржуазной демократии его времени, идеологом трудящихся революционных ремесленников перед тем, как история раздвоила их на капиталистов и пролетариев. Клотс был революционнее революционности этого класса, более дальновзорок в пределах его горизонта, но и ограничен его ограниченностью.

Во всяком случае, и в политике, и в теории он был интересным экземпляром своего рода, который не имел повторения.

III. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЛОТСА

Посмотрим, каким образом Клотс применял свои общефилософские материалистические взгляды к общественным явлениям.

Прежде всего мы сталкиваемся с вопросом, существовал ли у Клотса разрыв между материализмом в общефилософской концепции и идеализмом в понимании общественно-исторических процессов, который был так характерен для всех его предшественников-энциклопедистов? Клотс был детерминистом. Выбросив из системы мироздания бога, он заместил божью волю законами природы.

Видел ли он также закономерность в общественной деятельности людей, а если да, то как он делал переход от законов физического мира к законам общественной жизни?

С этой точки зрения любопытно следующее место из той же цитированной нами брошюры Клотса:³⁰ «Человеческий разум подчинен тем же самым изначальным законам (Lois primitives), как и общества пчел и бобров. Недостаток инстинкта осуждает нас отыскивать эти законы. Если бы пчела обладала только рассудком, она совершала бы, быть может, неправильные и причудливые движения... Постараемся подняться на уровень инстинкта животных и отдадим себя во власть неизменных законов. Естественные права не отличаются от прав гражданских (политических), потому что общественный строй («Etat Social») столь же естественно присущ человеку, как пчелам и муравьям».³¹

В чем же проявляются эти естественные законы («Lois Naturelles») в общественной жизни и в том числе в жизни политической? Нетрудно догадаться, что общественными законами, в качестве отражения вечных законов природы, окажется все то, что, с точки зрения Клотса и представляемого им класса, нужно для беспрепятственного развития данного общества.

Клотс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Закон тяжести, установленный Кеплером, был прелюдией закона всеобщего тяготения. Закон частичного суверенитета народа привел меня к открытию неделимого суверенитета человечества».³²

Ту же мысль Клотс выразил и в другом месте, говоря, что «Ньютон своим

законом всеобщего тяготения объединил всех философов, а я объединяю все человечество законом всеобщего суверенитета человечества».³³

Клотс неоднократно потом возвращался к мысли о том, что Французская революция, объявившая суверенитет народа на территории Франции, была лишь вступлением и началом единого суверенитета всего человечества.

Здесь мы видим стремление Клотса связать свои общематериалистические философские взгляды на природу с попыткой материалистического объяснения общественных явлений. Здесь он выступает перед нами как детерминист и в той, и в другой области. Он считал, что в основном как в природе, так и в обществе, действуют одни и те же основные законы. Мы видели уже выше, что он не видел разницы между законами, управляющими действиями социальных животных и насекомых (например, пчел) и проявлениями этих законов в человеческой деятельности. *Клотсу как будто даже казалось, что эта закономерность и целесообразность этой закономерности более гарантированы в мире животных благодаря их инстинкту, в то время как человек приходит к необходимости аналогичной деятельности путем сложных рассуждений.*

Но, разумеется, проявление всеобщих естественных законов в обществе должно материализоваться в чем-то конкретном. В чем же было материальное содержание этих законов, поскольку они проявляются в обществе?

Таким всеобщим естественным законом человеческого общежития Клотс считал *права человека и гражданина*, провозглашенные Французской революцией, но *не права французского человека и гражданина*, а всего освобожденного человечества.

Материальным содержанием этих прав, как общего закона человеческого общежития, Клотс считал: 1) единство суверенитета человечества, 2) все свободы, провозглашенные декларацией прав, 3) собственность и ее неприкосновенность, 4) взгляд на революции как на проявление естественного закона, 5) мораль, основанную на разумном эгоизме. Мы привели уже выше цитату, где он проводит параллель между собой и Ньютоном. Посмотрим, как он сам формулировал кратко в виде проекта законодательного постановления этот принцип суверенитета.

Его «Проект декрета» гласит:

«Национальный Конвент, желая положить конец заблуждениям, непоследовательностям, противоречивым претензиям корпораций и индивидуумов, которые называют себя суверенами, торжественно объявляет под эгидой *прав человека*:

§ 1

Нет другого суверена, кроме человечества.

§ 2

Всякий индивидуум, всякая община, которые признают этот лучезарный и нерушимый принцип, будут по праву приняты в нашу братскую ассоциацию, в республику людей (человеков), *братьев универсалистов*.

По отношению к странам, с которыми нет сухопутного соприкосновения или морского сообщения, нужно ждать результатов пропаганды истины, чтобы присоединить к республике человек первобытные общины и рабов далеких стран».³⁴

Этот энергичный краткий текст есть резюме основной социально-политической цели, к которой стремился Клотс. Эта формулировка основного закона человеческого общежития была увязана с его общим мировоззрением. Здесь перед нами, с другой стороны, тот своеобразный санкюлотский интернационализм, который делает Клотса одной из самых интересных фигур Великой французской революции. Этот пункт мы не можем здесь развить подробнее, чтобы не уклониться от философской части, и сделаем это в большой нашей работе. Лишь мимоходом и, к сожалению, очень кратко, мы еще остановимся на этом ниже.

Как увидим ниже, Клотс сумел стать на историческую точку зрения по отношению к собственности классовых, врагов санкюлотов и буржуазии, т.е. по отношению к собственности аристократии и духовенства. Он не мог стать на ту же точку зрения по отношению к буржуазной собственности, потому что санкюлот был одним из столпов буржуазного общества и доводил до конца буржуазную революцию вместо самой буржуазии; эпизодическое же вторжение в право крупнобуржуазной собственности (принудительные займы и проч.) рассматривалось революционным санкюлотом лишь как издержки революции. Есть данные, что и Клотс смотрел на буржуазную и мелкобуржуазную собственность как на абсолютную и естественную, а не историческую категорию. В этом смысле чрезвычайно интересно следующее его место: «Собственность вечна, как и общество. Если бы человек работал по инстинкту, а не в сознании своего интереса, мы пользовались бы, как и животные, общностью благ. Никогда эта общность не может быть введена среди нас, потому что человек работает сознательно. Коммуны (communités), о которых нам известно из истории, жили или за счет рабского труда, или благодаря автократическому режиму. Их существование было вредно и случайно, как существование всех ассоциаций, которые отступают от принципов *прав человека*».

Связь этого взгляда на собственность с общефилософскими взглядами совершенно очевидна. Любопытно здесь отметить, что Клотс, хотя и обнаруживает здесь незнание первобытного коммунизма, т.е. строя первобытной общины до образования государства и разложения на классы, вполне прав в социальной характеристике того коммунизма эксплуататоров, который существовал за счет рабского труда и который даже некоторые историки называют социализмом и коммунизмом без кавычек.

Взгляд на революцию как на закономерный естественный процесс Клотс высказывал не раз. Приведем одну из наиболее характерных цитат: «Народ редко ошибается, он ненавидит не понапрасну. Глупцы верят и злоумышленники заставляют верить, что революция кончится уничтожением

собственности, если ее не остановить. Одни, как Дюпор, мечтают о короле, другие, как Петион, полагают роландизировать Францию! Все это гибельное заблуждение. Пусть народ действует. *Помогите природе*, не противоречьте ей» (стр.7–8).³⁵

Мы здесь заранее ограничились философско-социологическими взглядами Клотса и поэтому должны отказаться от самого интересного в его мировоззрении — от изучения его политических взглядов. Мы коснемся их здесь лишь постольку, поскольку некоторые его практические предложения выясняют социологические предпосылки его мировоззрения.

Итак, мы видим, что в области понимания общественных законов Клотс приблизительно стоял на уровне энциклопедистов, отдавая дань культуре разума, и оказался не в состоянии рассматривать буржуазное общество как историческую формацию. В этом он не продвинулся далее энциклопедистов и авторов декларации прав человека.

Но не продвинувшись здесь, Клотс тем не менее в целом ряде своих работ, по различным поводам, давая те или иные оценки событиям и лицам в истории, не раз делал интереснейшие экскурсы в сторону историко-материалистического объяснения общественных явлений. Мы заранее лишь должны оговориться, что дело идет о весьма грубом и примитивном материализме, материализме того типа, к которому склонялись и склоняются многие буржуазные историки вроде Тьерри, Максима Ковалевского и Лучицкого, экономисты типа Бюхера, Зомбарта, юристы типа Иеринга.

Материализм этого рода всегда перемешан с объяснением событий, исходя из совершенно других принципов; он эклектичен и лишен какой бы то ни было методологической ясности.

Приведем несколько фактов, характеризующих такие материалистические экскурсы Клотса. Об одном таком экскурсе мы уже упоминали: это — попытка дать экономическое объяснение силе сопротивления еврейской нации ассимиляционным тенденциям. Как мы помним, Клотс видел основную причину сохранения еврейства, как особой нации среди других народов, в том особом положении, которое заняли евреи в хозяйственной жизни других народов, — именно в качестве торгового сословия. Можно согласиться или нет с этим объяснением, но оно, без всякого сомнения, построено на принципе: «Общественное бытие определяет сознание».

Другой пример: совершенно правильно с точки зрения теории классовой борьбы Клотс выбирает союзников Французской революции в других государствах. Горячо защищая в «Адресе к французам»³⁶ наступательную войну против соседних монархий, Клотс писал: «Когда короли истощат свои финансовые ресурсы, мы будем иметь на нашей стороне все крестьянство Европы, которому мы предоставим право на всю его жатву, которую против его воли пожинают теперь двор и монахи, попы и дворяне, слуги рыцарей и их сюзерены, продажные судьи и привилегированные адвокаты».

Далее он совершенно резонно надеется, что распространение сферы циркуляции ассигнатов Французской революции в освобожденных от тиранов странах материально поддержит революционный Париж. Но наиболее замечательно с точки зрения понимания классового смысла Французской

революции и ее отражения в Европе одно место из речи Клотса в защиту войны, произнесенной 1 января 1792 г. в клубе якобинцев. (Речь, между прочим, начинается словами: «Господа, именно потому, что я хочу мира, я требую войны».³⁷ Это место гласит: «С тех пор, как огромная могущественная монархия стала свободной, нужны только Спартак Жижка, Мюнцер, Пугачев, чтобы навсегда освободить Италию, Богемию, Венгрию, Московию» (курсив наш. — П.В.).³⁸

В другой речи он говорил: «Будем наносить удары повсюду, если мы хотим, чтобы ни один тиран не ускользнул от места угнетенных. Чем шире будет театр войны, тем быстрее и счастливее кончится тяжба плебеев против знати. Нам нужны враги».³⁹

Достаточно противопоставить эти дальновидные строки законченного буржуазного революционера с мелкобуржуазной и ограниченной, утопически пацифистской позицией Робеспьера, чтобы видеть все превосходство Клотса перед Робеспьером. Пролетарская революция начинается с завершения буржуазной. Тип законченного буржуазного революционера, понимающего международные задачи буржуазной революции, выше того близорукого политика, который верит в победу буржуазной революции в одной стране, на континенте, уже связанном интенсивным торговым обменом, создавшим тесную взаимозависимость отдельных стран друг от друга.

Робеспьер говорил: «Нам нужна победа революции внутри страны и мир с соседями». Клотс же говорил: «Не может быть победы внутри без победы над соседними странами».

Лозунг республики человечества был лозунгом восстания против всех тиранов, наиболее общей, алгебраической формулой национальных буржуазных революций в других странах. Если свобода, равенство и братство превратились в царство буржуазии,⁴⁰ Droits des Hommes в кодексе Наполеона и республика человечества — в буржуазную империю Наполеона, охватившую половину Европы, — то это не вина Клотса, а естественный ход событий после всякой буржуазной революции. Итак, «конституция человечества» у Клотса есть лишь идеологическая надстройка над этой практической целью революционной обороны; это лишь метод пропаганды за Французскую революцию. «Счастлив тот, кто смеется последним. Мы посмеемся последними, если будем двигаться и выступим первыми».⁴¹

Любопытно далее, что вся почти аргументация Клотса в защиту уничтожения наций и создания единой республики человечества построена на апелляции к материальным интересам масс.

Выгоды единой республики, выгоды департаментского деления мира он видит: 1) в уничтожении расходов на армию, 2) в уничтожении расходов на государство, 3) в ликвидации таможен, 4) в беспрепятственном развитии торговли и развитии международного разделения труда.

В дополнение к тем местам, которые мы уже цитировали, приведем еще одну выразительную выдержку. В письме, адресованном к первичным избирательным собраниям Брабанта и Фландрии,⁴² Клотс убеждает их не создавать особой бельгийской республики и присоединиться к Франции на основе департаментского деления. Он пишет: «Скажите работникам,

ремесленникам, коммерсантам, всем потребителям, всем плательщикам налогов ваших мест, что они всемерно выиграют при системе департаментов, всемерно проиграют при республике. Первая система будет способствовать благосостоянию всей нации, вторая принесет выгоду только нескольким паразитическим фамилиям.

Голландия и Франция, соединенные с вами на основе департаментов, предоставят вам огромные и богатые рынки от Пиренеев до... от Сен-Доминго и Суринама до Пондишери и Батави».⁴³

В «Bases constitutionnelles» Клотс писал: «Торговля является главной причиной конфликта среди людей, а республики в большей степени занимаются торговлей, чем королевства. Не будем иметь соседей, если не хотим иметь врагов. На древних языках слова «враг» и «сосед» — синонимы».⁴⁴

У Клотса далее довольно ясно выступает реализованная впоследствии большевиками мысль об уничтожении разделения между законодательной и исполнительной властью, о сосредоточении исполнения в руках законодательной власти, и, что особенно замечательно, отчетливая формулировка того взгляда, что исполнительная власть есть результат существования групповой и национальной борьбы.

Клотс надеялся также на восстание в Генуе, в Папской области и Венеции, которые помогут Французской революции. Но через все его писания красной нитью проходит его решительный интернационализм, который его так выгодно отличает от Робеспьера. Так, в обращении к собранию Брабанта Клотс пишет, что «с огорчением узнал, как вероломные советники и интриганы», «нечестивая секта французских и бельгийских федералистов» советует называться объединенным провинциям Бельгии «Бельгийская республика», вместо того чтобы примкнуть к единой республике. Вы поступите благоразумнее, — говорит Клотс, — чем мы, пишущие еще «Французская республика»... Я стою за одно существительное: Республика» (стр.44).⁴⁵ И в другом месте Клотс, во избежание недоразумения, требует уничтожения слов «француз, французский». Клотс указывает на то, что люди, провозгласившие права человека, тем самым отказались от этикетки «Галлия» и «Франция», он предлагает французам называться «germains», т.е. единокровными, родными братьями.⁴⁶ Объединение человечества в эпоху господства капиталистического способа производства или, вернее, в эпоху его борьбы за такое господство мыслимо только в форме диктатуры одной наиболее промышленно развитой капиталистической страны над мировым целым. Если Клотс стремился к такой республике du genre humain, то его следует считать скорее не туманным предшественником современного коммунистического интернационализма, а идеологическим предшественником наполеоновских войн. Интернационализм на базе товарного хозяйства, на базе частной собственности на средства производства не может быть ничем иным, кроме диктатуры сильнейшего капиталистического тела над всем мировым хозяйством, над всеми странами, в него входящими.*

Но об интернационализме на базе уничтожения частной собственности на средства производства, на базе диктатуры пролетариата в мировом масштабе или по крайней мере на основе борьбы за такую диктатуру не могло быть речи

тогда, когда на очереди дня было не уничтожение частной собственности, а уничтожение феодальной системы собственности и производства, и когда современный пролетариат еще не существовал.

Поэтому интернационализм Клотса неизбежно должен представляться бестелесным мечтанием о чем-то неизвестном и далеком, если не видеть сути дела в той мысли Клотса, что строительство демократической республики в *одной* капиталистической стране континента было утопией и что в порядке дня 14 июля 1789 года революция поставила войну со всей феодальной Европой. В этом пункте Клотс оказался реалистом, а Робеспьер утопистом, с большой степенью национальной ограниченности.

Выдвинутая Клотсом проблема создания единого государства из всех политических организмов того времени лишь с большой натяжкой может считаться первой формулировкой социалистической идеи единого мирового хозяйства и соответствующей ему единой политической организации общества (или социалистической половины мира, конечно, на период существования классов). В самой идее интернационализма еще нет ничего социалистического, потому что все зависит от социального содержания этого интернационализма. Еще грабительская аристократия и военно-торговый капитал Рима стремились к созданию мирового хозяйства в пределах физически достигаемого при тогдашних средствах сообщения. Христианство интернационально в существеннейших пунктах своей идеологии. Католическая церковь маневрирует среди национально-классовых антагонизмов как мировая организация. Торговый обмен создает на определенных стадиях развития товарного хозяйства более или менее единый организм мировой экономики, связанный разделением труда между отдельными своими частями и регулируемый интернациональным законом ценности.

В заключение нам бы хотелось указать на то, что сам Клотс отнюдь не смотрел на себя как на мыслителя-одиночку, который открывает истины направо и налево. Он смотрел на себя как на представителя, как на теоретика и политика определенного класса.

«Санкюлотство меня поймет, а culloterie меня не захочет понять», - говорил он.⁴⁷ В другом месте он писал: «Великая и плодотворная идея поглощает у меня все маленькие беспокойства о том, что об этом скажут, голос одного представителя санкюлотов весит больше, чем голоса всех представителей culloterie».

Все же наряду с этим он часто твердил, что многим «он кажется безумцем», но это не противоречит тому, что он был выразителем идей целого класса, а говорит лишь о том, что он был непонят, как ранний идеолог этого класса. У Клотса, по существу, была не одна эта трагедия, а если можно так выразиться, — две трагедии: одна большая и одна маленькая.

Он был идейным вождем мелкого ремесленного класса, живущего собственным трудом в обстановке товарного хозяйства и незаинтересованного ни в государстве феодалов, ни в буржуазном государстве, ни в буржуазной конкуренции и национальных войнах.

Клотс поднялся на высшую ступень, какая была возможна в его время в этих вопросах, на позицию санкюлотского интернационализма. Но этот класс

не имеет будущего при капиталистическом развитии. Он гибнет под пятой капитализма и вырождается в жалкий придаток буржуазного общества.

В буржуазных революциях он в последний раз высоко приподнимается, завершая славную историю средневекового ремесла.

Все, что было замечательного и передового в идеологии Клотса, было воспринято развивающимся буржуазным обществом, его господствующим классом, и соответственно трансформировано. А все, что было дальше буржуазного общества, было подхвачено и развито дальше социалистическим пролетариатом.

Его маленькая трагедия заключалась в том, что он, выходец из богатой аристократической среды, считал себя санкюлотом, покинул свою среду и примкнул к санкюлотам, а лидеры последних приняли его за примазавшегося контрреволюционера и казнили его.**

1 Этой темой я занялась по совету А.М.Деборина, которому приношу мою глубокую благодарность. Доклад зачитан в Институте философии.

2 См. статью Lenotre в «Temps» от 5/VIII-1918 г. На эту статью любезно обратил мое внимание А.Фридлянд, работавший одновременно со мной в Национальной библиотеке.

3 Appel au genre humain par An.Kloots (Paris, frimaire, an II).

4 «La certitude des preuves du Mahometisme en refutation de l'examen critique des apologistes de la religion Mahometiste». Par Ali-Gier-Ber. Londre 1780. 636 pp.

5 Эта пьеса вышла анонимно и была озаглавлена: «Voltaire triomphant ou les Pretres decus».

6 «La certitude etc.», p.4.

7 Ibidem, p.253.

8 Ibidem, p.532-533.

9 Особенно см. George Avenel, Anacharsis Cloots, I et II volumes.

10 Diderot, Le neveu de Rameau; Holbach, Le Systemee de La nature; Helvetium, De l'esprit.

11 «La certitude etc.», p.159.

12 Ibidem, p.144.

13 A.Cloots, Lettre sur les Juifs a un ecclesiastique de mes amis, lue dans place la publique du Musee de Paris par M. le B. d. C., Berlin. 1783, pp.90+XII.

14 Эта книжка является докладом, прочитанным Клотсом в 1782 г. в Музее. Он не мог добиться, чтобы музей опубликовал его, и годом позже сам издал его. Болиг рассказывает, что книга наделала много шума и скандалов. Архиепископ протестовал против ее выхода. Сам президент, Курт де Жебелен (министр-протестант), стыдил автора и указывал, что Музей не создан для таких целей. Здесь надо почитать мораль и не позволять себе непочтительности к тому, что рассматривается как истина.

15 «Lettre sur ler Juifs etc.», p.2.

16 Ibidem, p.45

18 «Lettre sur les Juifs», p.40

19 Ibidem, p.44-45.

20 Ibidem, p.88.

21 «La certitude des preuves du Mahometisme etc.».

22 См. в «Chronique de Paris» от 29/III-1790.

- 23 Эта полемика между Клотсом и Фоше помещена в № 42 от 14 апреля 1791 г «Bouches de fer» Нац. б-ка Lc²317, cercle sociale.
- 24 Комплект № 42, стр.104–105.
- 25 Там же, стр. 105.
- 26 Paris. Impr. Nationale 1793. Напечатано по распоряжению Национального Конвента. Нац. б-ка Е–5476.
- 27 «La Republique Universelle ou l'adresse aux Tirannicides» par An.Cloots.
- 28 Соответствующего документа в литературном наследстве Клотса не сохранилось.
- 29 «La Repuolique Universelle ou Adresse aux Tirannicides» par An.Cloots, orateur du genre humain. Paris. L'an quatre.
- 30 «Bases Constitutionnelles de la Republique du genre humain», 2 l., p.35, 36.
- 31 Интересно сравнить это место с «Философией бессознательного» Гартмана.
- 32 «Discoures prononce a la barre de l'Assamblee nationale au nom des imprimerus», 1792, p.23-24.
- 33 Там же.
- 34 «Bases Constitutionnelles», p.43-44.
- 35 «Bases Constitutionnelles», p.31.
- 36 «L'Adresse aux francais par An.Cloots» in 8°. BibL Nat. Lb.39.
- 37 «Discoures d'An.Cloots, orateur du genre humain, prononce dans la seance du 1-er janvier 1792», in—8°.
- 38 Ibidem, p. 12.
- 39 «Adresse aux assemblees primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc». Paris, 23 Nov. 1792. 1-er an.
- 40 См. Энгельс, От утопии к науке: «Царство разума оказалось царством буржуазии».
- 41 «Discours du 1-er janvier 1792».
- 42 «An.Cloots aux assemblees primairesdu Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. 27 nov. 1793».
- 43 «A. Cloots aux assemblees primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. 27 nov.» 1793, p.47.
- 44 «Bases constitutionnelles de la Republique du Genre humain» par A.Cl.
- 45 «An.Cloots aux assemblees primairesdu Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. 27 nov. 1793».
- 46 «Bases Constitutionnelles», p.30.
- 47 Предисловие к «Bases Constitutionnelles etc».

* Едва ли сам Клоотс это мог осознавать и соответственно готовить почву для «идеологии наполеоновских войн». Во-вторых, с этой мыслью Виноградской находится в некотором противоречии то, что наполеоновская Франция отнюдь не была передовым и сильнейшим «капиталистическим телом» в Европе. - *Ред.Vive Liberta*

** Мы не знаем, как сложилась в дальнейшем научная и личная судьба Виноградской, во всяком случае, больше в периодике тех лет и последующих ее имя не встречается. Возможно, она не занималась больше темой ВФР и Анахарсисом Клоотсом, а возможно, продолжила изучение в философском или

социологическом аспекте. Возможны и более печальные варианты.

Приведем фрагмент прений по докладу - из него, конечно, не стоит делать выводов, но постановка вопроса представляет интерес.

Из ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ

Тов.Дынник отмечает три пункта в данной докладчицей характеристике философско-социологических взглядов Клотса, по которым у него **возникают некоторые сомнения относительно того, не переоценивает ли докладчица положительное значение клотсовых воззрений.**

Первый из этих пунктов касается общеполитического материализма Клотса. Тов.Дынник указывает, что уже из приведенных докладчицей выдержек можно усмотреть наличие у Клотса известных элементов пантеизма и метампсихоза, т.е. таких элементов, которые не позволяют характеризовать Клотса как последовательного материалиста.

Второй пункт касается тех намеков на историко-материалистическое объяснение общественных явлений, которые докладчица находила в отдельных рассуждениях Клотса.

Наконец, третий пункт относится к элементам диалектики, встречающимся у Клотса...

Как бы там ни было, представленная работа - единственная развернутая и основательная в советской периодике, посвященная Клоотсу (об «отечественной», под которой теперь принято понимать постсоветскую, говорить не приходится: «Не в моде теперь такие песни», т.е. такие герои). А согласиться или возразить на интерпретации Виноградской каждый может сам, познакомившись с «конституционными основами Республики человеческого рода» (<http://vive-liberta.narod.ru/doc/cloots1.pdf>) и с выступлением Клотса в Конvente 27 брюмепа II года (<http://vive-liberta.narod.ru/doc/cloots2.pdf>). - *Ред.Vive Liberta*